

ИНВАЛИДЫ ЛЮБВИ ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Алик, 35 лет.

Саша, 28 лет.

Небольшая квартира. Уютная, аккуратная. По ней, без конца что-то поправляя, прохаживается Алик. Раздается звонок в дверь. Алик смотрит на часы. Смотрит на свое отражение в зеркальной дверце шкафа. А затем, сложив перед собой ладони, закрывает глаза и молится.

АЛИК. Боже, пожалуйста, помоги мне. Помоги сделать то, что я должен. Прошу, дай мне разум и душевный покой. Принять то, что я не в силах изменить. Мужество изменить, что могу. И мудрость отличить одно от другого.

В дверь снова звонят. Алик резко открывает глаза и идет открывать. В квартиру заходит высокая темноволосая девушка, Саша, в норковом полушубке и сапогах на высоком каблуке.

АЛИК. Саша, привет! Проходи. Раздевайся!

Саша вешает полушубок на вешалку. Снимает сапоги. Алик тотчас же забирает их и несет на кухню.

САША. Эээ...ты куда?

АЛИК. Помыть. (Пауза.) А то сейчас натечет. А я только что пол вымыл.

САША. Смотрю, ты подготовился.

Помыв сапоги, Алик возвращается к Саше, которая ждет его в коридоре. Ставит их на придверный коврик.

АЛИК. Ну вот, теперь не натечет! Проходи! Чай, кофе будешь?

САША. Буду чай, спасибо.

АЛИК. Есть еще травяные сборы. От усталости там, от стресса, противовоспалительный, общеукрепляющий. Только им минут 10-15 надо завариться.

САША. Хорошо. Давай от стресса. А я тогда пока в душ.

АЛИК. Это совсем необязательно.

САША. В смысле?

АЛИК. Ну, в душ!

САША. Я же тебя по телефону спрашивала...про особые запросы.

АЛИК. Спрашивала! И я сказал, что их нет.

САША. Да ради Бога, просто это надо заранее оговаривать. Тем более что в душе я все равно уже была.

АЛИК. Да не переживай ты так. Нет, у меня, действительно, в каком-то смысле особый запрос, но делать тебе ничего не придется. Правда!

САША. Сразу говорю, мертвую изображать не буду. Один раз полежала в гробу и хватит. Полгода потом кошмарило.

АЛИК. Господи! Да нет у меня никакого гроба. Ты можешь, пожалуйста, сесть? Вот...можно сюда на диван. Да не волнуйся. Просто сядь.

Саша садится. Алик стоит перед ней. И молчит. Довольно долго.

САША. Та-а-к! И-и-и?

АЛИК. Ты меня не узнаешь?

САША. Эmmm...а должна?

АЛИК. Что, правда, не узнаешь?

САША. Это ролевая игра такая, да? Окей! Просто давай сразу рассчитаемся, хорошо?

АЛИК. Да, конечно, сейчас принесу. (Пауза.) Вот, держи.

Алик отдает Саше деньги. Саша пересчитывает их и убирает в сумочку.

САША. Сейчас, еще один звоночек. И все. А ты пока можешь сделать свой этот сбор от стресса. Добавишь еще туда коньячку, хорошо?

АЛИК. Коньяка у меня нет.

САША. Я думала, это сбор от стресса. Ну ладно, давай что есть.

Алик уходит на кухню и ставит чайник.

Саша звонит по телефону.

САША: Толь, да, все в порядке! Минут через пятьдесят буду. Ты за кого меня принимаешь? Я тебе уже говорила, что больше не пью.

Саша выключает телефон.

САША. И меньше тоже!

Возвращается Алик. С двумя кружками травяного сбора.

АЛИК. Пусть немного заварится.

САША. Спасибо.

АЛИК. Так, значит, ты меня не узнаешь?

САША. Ну, почему сразу не узнаю? Вот сейчас присмотрелась и...

АЛИК. И? (Пауза.) Алик. Меня зовут Алик!

САША. Допустим...

АЛИК. Что значит, допустим? Меня, правда, зовут Алик!

САША. Хорошо, Алик! И что, я тебе так понравилась, что ты решил повторить?

Алик тяжело вздыхает.

САША. Спасибо на добром слове!

АЛИК. Да нет, дело не в этом. Дело в том, что...

Алик замолкает.

САША. Дело в том, что..?

АЛИК. Это, наверное, немного странно, или даже не немного.

САША. Слушай, после гроба меня вряд ли чем-то удивишь. Так что...

Алик молчит.

САША. Или вот на той неделе. Приезжаю к клиенту. Элитный поселок в Жуковке. Дом-дворец. Только павлинов не хватает. Мужик – финансист какой-нибудь или банкир – тоже, как ты, не отправляет меня в душ, а говорит: садись, мол, жди. Ну, я сажусь. Жду. Минут пять жду, десять. Начинаю уже это...накручивать себя. А дом еще огромный. Стремно как-то. И тут, короче, он появляется. Совершенно голый, улыбка до ушей – ботокс, виниры – и на роликах.

АЛИК. На роликах?

САША. На роликах! С хером наперевес. Смотрю я на него такая и подвисаю. Вот прямо реально подвисаю. А он по-прежнему лыбится и так ласково-ласково просит: “Покатай меня”. И так...легким кивком указывает на...ну, ты, короче, понял. Час его где-то катала. Так что странностями меня не удивишь.

АЛИК. А какие у него были ролики?

САША. Какие у него были ролики? Тебя это реально больше всего интересует?

АЛИК. Ну, такие, олдскульные, четырехколесные, или современные? Просто с олдскульными было б смешнее.

САША. Мне вот было совсем не смешно. Потому что бывали случаи, когда...

Саша осекается. Делает глоток антистрессового сбора.

САША. Так что там у тебя за странности?

АЛИК. Да. Я...я просто хотел тебе сказать, что...

САША. Ты что-то разволновался. Не волнуйся. Я не кусаюсь. Только если есть особый запрос. Но у тебя, я так понимаю, его нет.

АЛИК. Я просто никогда этого не делал. И...ты еще такая красивая, что еще больше все усложняет.

САША. Ну надо же! Первый комплимент. Ты точно не хочешь, чтобы я пошла в душ?

АЛИК. Хочу, правда, хочу, но нет.

САША. Эээ...

АЛИК. Не нужно.

САША. В туалет-то хоть можно сходить? Или ты хочешь, чтобы я...?

АЛИК. Нет, нет, конечно, иди.

САША. Там нет никаких записывающих устройств, камер?

АЛИК. Записывающих устройств? Ты за кого меня принимаешь? (Пауза.) Нет, ничего такого нет.

Саша уходит в туалет.

Алик провожает ее взглядом, ходит взад-вперед по комнате. Снова невротично поправляет предметы, хотя все и так в идеальном порядке. Саша возвращается.

САША. Я готова. (Пауза.) А ты, вижу, не очень.

АЛИК. Я...

САША. Ты хочешь со мной расстаться? Только не говори, что дело во мне.

АЛИК. Что?

САША. Если бы мы встречались, я бы подумала, что ты меня бросаешь. Нет? Такой сценарий не заводит? Ну ладно!

АЛИК. Когда мне было лет десять, у маминой подруги Гали была видеокассета.

САША. Немного издалека ты начал, тебе не кажется? Прости. Продолжай.

АЛИК. И, короче, на этой кассете был фильм, который назывался “Игра на смерть”. Я обожал этот фильм. И Брюса Ли, который в нем снимался. Хотя и не до конца понимал,

что там происходит. Там был русский дубляж поверх немецкого дубляжа поверх китайского дубляжа. Но в целом выходило, что герою Брюса Ли поручают важную миссию – достать секретный свиток, который спасет Китай от японских захватчиков. Каким образом, почему – в фильме не объяснялось. Просто однажды герой Брюса Ли бежит утром в лесу, и на него нападает кучка японцев. Брюс Ли их, конечно же, побеждает и как ни в чем не бывало бежит дальше. Как вдруг ему встречается девушка в шелковом халате. И говорит: “Мы знаем вас как одного из лучших бойцов кунг-фу. Наша страна в опасности. И вы должны нам помочь”. Брюса Ли ни ее речь, ни ее халат не впечатляют, и, отказавшись, он бежит дальше. А потом замечает куст. Ничем, в общем-то, не отличающийся от других кустов. Но он смотрит именно на этот куст, внимательно так вглядывается, словно Моисей, и вдруг вспоминает, что именно в этих кустах несколько лет назад изнасиловали и, кажется, убили его сестру. Естественно, японцы. В это мгновение Брюс решает мстить! И соглашается вернуть таинственный свиток, про который мы по-прежнему ничего не знаем. Для этого он проникает в цитадель японского зла – монастырь, на каждом этаже которого дежурит искуснейший, злейший и всегда со странными бровями японский боец, которого Брюс, конечно же, побеждает. Так он переходит с этажа на этаж, забираясь все выше и выше, но пока он это делает, свиток успевают унести. Брюс пускается в погоню. Завязывается драка с очередными японцами, подозрительно похожими на тех, которых он уже бил. А что происходит дальше, я сказать не могу. САША. Если ты переживаешь, что после твоих спойлеров я не стану смотреть этот фильм, не переживай!

АЛИК. Да нет. Просто...ты, наверное, не помнишь, но раньше видеокассеты были определенного формата. Минут сто восемьдесят, кажется. И дело в том, что “Игра на смерть” шла на этой кассете второй...и просто не влезла полностью.

САША. Да ладно?

АЛИК. Я очень любил этот фильм. Видел его десятки раз, но так и не знал, чем он заканчивается. Спас ли Брюс Ли Китай или нет. Хотя, конечно, определенные догадки у меня были. Но где-то год назад я вдруг снова про него вспомнил и решил, наконец, установить истину. И тут, как говорится, было две новости. Хорошая и плохая. Хорошая состояла в том, что Китай был действительно спасен. А плохая...плохая в том, что спас Китай никакой не Брюс Ли.

САША. В смысле не Брюс Ли? А кто?

АЛИК. В фильмографии Брюса Ли этого фильма не было. Что, в принципе, было невозможно, ведь я видел его собственными глазами. Я стал искать. И нашел! Нашел то, что потрясло меня до глубины души. Тот человек, которого я больше двадцати пяти лет считал Брюсом Ли, которым восхищался, на которого хотел быть похож...тот Брюс Ли оказался никаким не Брюсом Ли. Он оказался Брюсом Ле!

САША. Брюсом Ле?

АЛИК. Брюсом Ле! Одним из многочисленных подражателей Брюса Ли, которых после его смерти развелось огромное количество. Тот редкий случай в истории, когда китайцы подделывали китайцев. Но тогда я, конечно, этого не знал. И снова и снова пересматривал этот фильм, со своим кумиром, который...

САША. Но зато он спас Китай.

АЛИК. А потом, в один прекрасный день, кассета с этим фильмом исчезла. Я перерыл все, но ее не было. Я думал, что родители, может, что-то напутали, убрали в другую коробку, стал перебирать все кассеты. И вскоре наткнулся на пару кассет, которые были не подписаны. Я точно знал, что фильма с Брюсом Ли там нет, но...

Пауза.

АЛИК. Даже сейчас, более двадцати лет спустя, я помню эти фильмы. Фильм, который я смотрел неделю или месяц назад, я могу и не вспомнить, а эти фильмы...эти фильмы,

похоже, останутся со мной навсегда. Эпические и антитоталитарные. (Смеется.) Так, во всяком случае, написано в Википедии. Не знаю. Наверное, когда ты трахаешь все, что движется, в том числе собственную сестру, – это весьма демократично и эпично, но...(Пауза.) В общем, после того как я нашел те кассеты, про Брюса Ли я вспоминал все реже. Те фильмы открыли для меня новый мир. И этот мир все больше и больше поглощал меня. Когда мне было грустно или плохо, я включал эти записи. Когда мне было хорошо, я тоже включал эти записи. (Пауза.) Учился я так себе. Друзей у меня особо не было. Точнее у меня был лучший друг, но в какой-то момент он завел себе нового лучшего друга. И мы почти перестали общаться. Сейчас он какой-то вице-президент в Газпроме.

САША. Дашь телефончик?

АЛИК. Он женат! Хотя, судя по тому, как быстро он меняет привязанности...(Пауза.)

Короче, мне было очень одиноко. И я убегал, прятался в этих фильмах. Это было лекарство. Своего рода обезболивающее. В какой-то момент даже набрался смелости и поехал на Кузнецкий мост, где тогда была палатка с эротикой. Час ходил вокруг этой палатки, а была зима, холодно. Недельку потом лежал с ангиной. (Смеется.) Дрочил и кашлял. Дрочил и кашлял. А потом были все новые и новые кассеты. И мне было даже не столь важно, что за сюжет. Главное, чтобы каждый раз он был новым. И с появлением интернета эта проблема фактически решилась. Но стала очевидна другая: почти все свое свободное время я тратил на эти ролики. Решение, которое спасало меня от хандры и одиночества, само по себе стало проблемой. Я подсел на него. Теперь уже не я выбирал, когда прибегнуть к нему, а кто-то как будто делал это за меня. Не важно, был я в хорошем настроении или плохо, здоров или болен, один или с родителями. Что-то как будто нашептывало мне: “Давай. Посмотри. Ты же хочешь. Чуть-чуть удовольствия еще никого не убило”. Но, честно сказать, я пока особо не парился. Ну, а что такого? Все же вроде как делают это.

САША. Ну да!

АЛИК. К тому же, я думал, что это не навсегда. Что сейчас я встречу девушку и завяжу с этим делом. Я так этого ждал. Мечтал об этом дне. Точнее ночи. А когда лет семь-восемь спустя я, наконец, ее встретил и это произошло...это не произошло!

Алик тяжело вздыхает.

АЛИК. Помню, она уснула, а я сижу у нее в гостиной...и то отжимаюсь, чтобы хоть куда-то слить свою ярость. То чуть ли не плачу, решив, что я гей. Представляю, как расстроится мама – ведь она так хотела внуков. Наверное, один из худших моментов в моей жизни. А вскоре она меня бросила. Ну, мы еще несколько раз попытались. Даже можно сказать, что-то получилось, что-то такое...отдаленно похожее.

САША. Отдаленно похожее? Это как?

АЛИК. Ну, то есть я в нее как бы вошел...но как бы ненадолго.

САША. Как бы ненадолго?

АЛИК. А вскоре она меня бросила. Так, кстати, до сих пор и не понимаю, почему.

САША. В смысле, почему?

АЛИК. Ну, не думаю, что только из-за секса.

САША. Ты в нее вошел, но как бы ненадолго! По-моему, тут все довольно очевидно.

АЛИК. Ну фиг знает. У нее и своих тараканов хватало. Безумная мать. Жесткий отец. Проблемы с алкоголем.

САША. Кстати, об алкоголе. Точно нет ничего выпить?

АЛИК. Нет, нету. Могу подлить еще кипяточку!

Саша вздыхает и протягивает Алику свою кружку.

Алик забирает кружки и уходит на кухню.

Саша тем временем осматривает комнату и замечает в серванте бутылку виски. Подходит к ней и с любопытством разглядывает коробку. Возвращается Алик. Саша делает вид, что разглядывает книги. Берет свою кружку и садится обратно.

САША. Спасибо.

АЛИК. Ну, и, короче, мы расстались. Я был раздавлен. Я не понимал, кто я, что я и больше всего мне, конечно, хотелось реабилитироваться, доказать себе, что это была случайность. Что я нормальный.

САША. И чтобы доказать это, ты пошел к проституткам?

АЛИК. Нет, я зарегистрировался на сайте знакомств. Они как раз стали тогда появляться. И вскоре познакомился с Олей. Лучше бы, честно говоря, пошел к проституткам. Хотя начиналось все неплохо. Недолгая переписка. Приятная встреча. Быстрый секс. Быстрый в смысле...что случился он быстро, а не...

САША. Да, я поняла.

АЛИК. Потому что секс был классный, просто офигительный. Я не был геем.

САША. Поздравляю.

АЛИК. Мы занимались им везде, где только можно. И нельзя. Даже в Доме литераторов.

Помню, в кинозале тогда показывали “Код да Винчи”. Но мы все пропустили.

САША. Книга все равно лучше.

АЛИК. Вскоре мы поехали с ней отдыхать, в Египет, но уже на второй день так разосрались, что она – не знаю, то ли в отместку мне, то ли просто так – тут же замутила с Мидо. Местным массажистом. Мы жили в одном номере, спали в одной кровати, но всю неделю вообще не разговаривали. Это был ад. Зато у нее прошла поясница. (Пауза.) Во многом, конечно, это и моя вина – ну, что этот ад вообще случился. Потому что я вообще-то планировал ехать с другой. Ну что? Просто с Олей отношения загибались, и я познакомился с Варей. При встрече она мне понравилась, хотя, кажется, мы выпивали. Ну, и я подумал, что можно поехать в Египет с ней. Тем более что тогда я с ней точно пересплю. Ну, такая у меня была логика!

Саша показывает большой палец: молодец!

АЛИК. Мы купили билеты, все, но...затем случился небольшой форс-мажор!

САША. Варя тебя тоже бросила?

АЛИК. Тоже? Почему тоже? Меня все что ли, по-твоему, бросают?

САША. Ну, твой школьный друг, Настя, Оля...

АЛИК. Оля меня не бросала! Мы просто поссорились! И Варя тоже! Просто...тем же вечером, когда мы купили билеты, мы переспали. А утром я проснулся, посмотрел на Варю и понял, что никуда с ней ехать не хочу. Но билеты уже были на руках. И я совершенно не знал, что делать. Варя так ждала этой поездки. Что-то мне говорила про купальники, солнцезащитные крема, а я в этот момент слышал только одно: “Бля, бля, бля, бля, бля”.

САША. И что же ты сделал?

АЛИК. Я...я поступил как настоящий мужчина. Я сдал билеты, а Варе сказал, что у меня заболела мама, и я не могу полететь. И это была почти правда...я действительно не мог полететь. С Варей!

САША. Но про маму ты наврал?

АЛИК. В состоянии аффекта! И за него я горько поплатился. Поехав с Олей.

САША. Отольются кошке мышкены слезы! Мама так всегда говорила!

АЛИК. Ну да!

САША. Можно еще кипяточку?

АЛИК. Еще? Я же вроде только...

Саша кокетливо пожимает плечами.

АЛИК. Да нет, мне не жалко. Сейчас!

Алик уходит на кухню. Тем временем Саша направляется к шкафу, где стоит бутылка виски. Секунду колеблется, а затем достает бутылку из коробки, откручивает крышку и делает глубокий глоток. Ставит бутылку обратно и садится на диван, как раз когда возвращается Алик.

САША. Спасибо. А алкогольного у тебя точно нет?

АЛИК. Нет, нету!

САША. Не любишь?

АЛИК. Папа очень любил. Так любил, что как-то мы пошли с ним гулять. Мне год был. Я в коляске. Ну, и, проходя мимо бара, он не удержался, решил зайти.

САША. Прямо с тобой?

АЛИК. Это было бы слишком...слишком любезно с его стороны. Нет. Он просто оставил коляску на улице. Около бара. Вместе со мной! На три часа! Домой меня вернул мамин дядя. Случайно мимо проходил. Отец же, когда вернулся, про меня даже не вспомнил. Это была последняя капля. Не у него, конечно. У мамы. Ну и меня с тех пор тоже как-то не тянет.

Алик грустно смеется.

АЛИК. Мама все детство так боялась, что я стану как отец. Алкоголиком. Так переживала. И не подозревала, что судьба уготовила мне другой, куда более изощренный дефект.

САША. Так, сейчас ты меня немного пугаешь. Имей в виду, в машине меня ждет охранник. И если что...

Алик подходит к окну и смотрит во двор.

АЛИК. Бычок в сугроб выкинул. В двух шагах же мусорка.

САША. Да, это он.

Саша смотрит на часы.

АЛИК. В общем, после расставания с Олей я почти каждый день с кем-то знакомился. Писал сотням девушек одни и те же сообщения. Контрол це, контрол ве. Контрол це, контрол ве. Старался поскорее вытащить их на встречу. Потихоньку я становился все увереннее в себе, но...зачем я это делал, я уже не вполне понимал. Я оправдывал себя тем, что искал свою единственную, но правда, наверное, в том, что это просто вошло в привычку. Искать стало интереснее, чем найти. И я искал, искал, искал! За эти годы у меня было больше сотни свиданий, с людьми, которых сейчас я даже не вспомню.

САША. И со всеми ними ты...

АЛИК. Это было безумие. (Пауза.) Нет, нет, конечно, нет. Я пытался, но...(Смеется.) До этого редко доходило. Довольно быстро мне казалось, что это не "мой человек", что я просто не могу найти "ее", ту самую. И я продолжал искать. Встречал кого-то. Кто снова оказывался не тем человеком.

САША. Особенно после того как с ним переспишь, да?

АЛИК. Да нет. Тут что-то другое.

САША. Ну, конечно!

АЛИК. Какое-то внутреннее стремление. Которое заставляло искать, верить...и не соглашаться на что-то другое. (Пауза.) Хотя, может, это просто дофаминовый голод.

Короче, тогда я настолько загнал себя, что в какой-то момент плюнул на единственную...ну не то, чтобы плюнул, просто, короче, решил не морочить никому голову. И сразу договариваться, для чего именно мы встречаемся. Без всех этих конфетно-букетных приношений. (Пауза.) И самое странное, что многие соглашались. Видимо, тоже настолько устали от поисков и разочарований. Однажды я даже предложил девушке, с которой ни разу не встречался, сразу приехать ко мне и...при этом не разговаривать. Совсем! И она приехала. Нормальная такая девушка. Звали ее, кажется, Ира. Тридцать с небольшим. Юрист.

САША. Откуда ты знаешь, вы же не разговаривали?

АЛИК. Да нет, потом мы немного поговорили. Но больше не виделись. Мне хотелось все большего. Все новых ощущений. В какой-то момент я даже попробовал с женщинами постарше. Первую, кажется, звали Вероника. Она пригласила меня к себе. И...я никогда не забуду этот запах. В ее квартире. Сладко-приторный. Она коллекционировала винтажные духи. И чем-то напоминала душевно-больную из “Мизери”. А еще во время секса очень громко кричала.

САША. Мужчинам же это нравится, нет?

АЛИК. Соседу сверху не понравилось. Другую женщину звали Виктория. Она была красивая, ухоженная, ездила на дорогом Мерседесе, жила в дорогой квартире с дорогой, но ужасно уродливой собакой. И все это время ждала, когда ее богатый любовник уйдет от жены. А он все не уходил. А третью звали Рената. Она приехала ко мне и...стала показывать свой шпагат. Отличный, кстати, шпагат для сорока трех лет. А когда я провожал ее до метро, она поскользнулась, упала и заплакала. Я думал, она сильно ударилась, но она плакала о чем-то своем.

У Алика звонит телефон.

АЛИК. Прости, я сейчас. (По телефону.) Да, мам. Нет, это не я тебе сейчас звонил. Зачем мне звонить, а потом бросать трубку?

Алик выходит из комнаты. Саша тотчас же вскакивает с дивана и направляется к бутылке. Без стеснения достает ее из коробки и делает несколько глотков. Ставит обратно. Но затем снова достает и делает еще один. Слыша, что Алик заканчивает разговор, убирает бутылку и возвращается на диван.

Вернувшись в комнату, Алик тяжело вздыхает. Растерянно смотрит на Сашу.

САША. Женщина со шпагатом.

АЛИК. Что?

САША. Ты остановился на женщине со шпагатом.

АЛИК. А, да, точно! Женщина со шпагатом. Ну, собственно, после того вечера я ее больше не видел. А вскоре после этого я удалился. Ну, с сайта знакомств, в смысле.

САША. Потому что она заплакала?

АЛИК. Потому что...не знаю. Просто в какой-то момент слегка подустал. Даже гордился собой. Правда, недолго. Потому что заметил, что по сути делаю то же самое. Только уже на других сайтах. Так же часами листал страницы, искал, писал сообщения. А если мне вдруг кто-то нравился, ну, там, в каком-нибудь фильме или сериале, сразу же гуглил их. Искал в соцсетях. Лайкал. В надежде, что меня лайкнут в ответ. И однажды на мои лайки мне, действительно, ответили.

САША. Да ладно? Кто? Какая-то актриса?

АЛИК. Ну это не столь важно!

САША. Ну же! Ходченкова?

АЛИК. Нет.

САША. Боярская?

АЛИК. Нет. Не Боярская.

САША. Чиповская?

АЛИК. Нет. Не Чиповская.

САША. Ты не лайкал Чиповскую? Очень мне нравится. Крутая.

АЛИК. Лайкал. Чиповская не ответила.

САША. Бортич?

АЛИК. Нет, не Бортич. Это не очень известная актриса, театральная.

САША. Тогда, скорее всего, не знаю. Театр я как-то не очень.

АЛИК. Я тоже. Но ей я об этом говорить я не стал. Потому что уже после первого свидания она пригласила меня на свой спектакль. После него мы посидели, выпили, и я предложил ей слетать со мной в Египет.

САША. Слушай, у тебя прям какой-то пунктик на Египет.

АЛИК. Но в этот раз начиналось все неплохо. У нас был хороший отель, олл инклюзив, номер с видом на море. В котором мы тут же переспали. Рита научила меня курить гашиш. И тут в какой-то момент случилась совсем необъяснимая хрень. Меня так накрыло, что я почему-то вдруг заговорил про Арарат.

САША. Про Арарат?

АЛИК. Про гору Арарат, да, почему-то в Египте. И тут я вдруг вижу, что Рите поплохело, она замолчала, помрачнела, ушла в себя. Я давай ее пытаться, что такое, что случилось, и...в общем, оказалось, что так звали ее парня.

САША. Как звали ее парня?

АЛИК. Арарат!

САША. Арарат? Да ладно?

АЛИК. Он был армянином. Ну, и, наверное, им остался. В общем, они с ним разошлись. Прямо перед тем, как я ей написал. И, получается, что ответила она мне, только чтобы поскорее забыть Арарата. Короче, отдых был испорчен. А когда мы вернулись в Москву, она снова с ним сошлась. (Пауза.) А я все никак не мог понять, и до сих пор не понимаю: ну почему Арарат, блядь? Почему? Почему я вообще тогда про это заговорил? (Пауза.)

САША. Пути гашиша неисповедимы.

АЛИК. Но сам факт, что она мне ответила – он, конечно... (Вздыхает.) Потому что в какой-то момент я решил, что все возможно. И не то чтобы я прям верил, что это какая-то другая порода людей, но я хотел, точнее что-то внутри меня хотело, чтобы они хотели меня. Чтобы эти красивые, известные люди оценили меня по достоинству, признали меня, любили.

САША. Лайкали!

АЛИК. Лайкали! Чтобы я мог признать себя сам, почувствовать себя полноценным. Но сколько бы я ни знакомился с ними, на сколько бы свиданий ни ходил, этого не происходило. Я по-прежнему чувствовал себя одиноким, закомплексованным мальчиком, хотя мне уже перевалило за тридцать, чувствовал себя неспособным заинтересовать кого-то больше, чем на две-три встречи, если только она тоже не была какой-нибудь дефективной. А потом...потом случилась совсем катастрофа. Ну, как мне тогда казалось.

Саша смотрит на часы.

САША. Слушай, а ты не куришь?

АЛИК. Нет. Но кури, если хочешь. Сейчас принесу пепельницу.

САША. Спасибо.

Как только Алик выходит, Саша снова бросается к шкафу. И жадно пьет из бутылки, проливая на себя виски.

САША. Блин...

Ставит бутылку обратно и судорожно вытирает блузку.

Когда входит Алик, она садится на диван, прикрывая мокрое пятно подушкой. Достает сигареты, закуривает.

АЛИК. При этом я же понимал, что гоняюсь за миражами. Головой понимал, что все это бред, но что-то внутри все равно заставляло садиться за компьютер и щелкать мышкой. Или разглядывать в метро каждую проходящую девушку. А если, например, я видел ее со спины, я ускорялся, догонял ее, и заглядывал ей в лицо. Ее лицо – не бедра, не ноги, не грудь – вот, что интересовало меня больше всего. Как будто я давно кого-то потерял и сейчас пытался найти. Иголку в стоге сена...И эта иголка реально стала иглой, на которую я подсел. Я не понимал, что со мной. Я читал книжки, психологические, духовные, какие угодно, но и в них не находил ответа. Все это было слишком абстрактно. Мне нужно было что-то делать, но что – я понятия не имел. Ничего интереснее этих миражей для меня не существовало. Ничего! От отчаяния я даже пошел к регрессологу. На сеанс регрессивного гипноза.

САША. Это под грибами что ли?

АЛИК. Да нет. Почему? Без грибов. Поэтому я поначалу переживал. Думал, что негипнабельный. Пока не начал видеть всякую чертовщину. Точнее не видеть, а как бы понимать. Например, что вместо рук у меня клешни. Или лапы Микки Мауса. Такие, знаешь, белые, поролоновые. Или старушечьи руки в кольцах или перстнях. И при этом меня сразу выкидывало в прошлую жизнь, где я видел, что вот этот перстень или кольцо – это клятва верности моему средневековому мужу, а вот эта пуля в сердце – это, например, когда я сражался во второй мировой.

САША. А лапы Микки Мауса?

Алик пожимает плечами.

АЛИК. Но самое странное было даже не это. В какой-то момент в каждом сеансе нужно было представить себе зеркало. И когда я смотрелся в него, я видел там все, что угодно, только не свое лицо. Египетских богов, морду льва, Дарта Вейдера, гиппопотама. В общей сложности, у нас было девять сеансов. Каждый часа по четыре-пять. Сотни, если не тысячи образов. И ни разу, ни разу мне так и не удалось увидеть свое истинное лицо. Как я ни пытался понять, кто я, у меня так ничего и не вышло.

САША. Офигеть!

АЛИК. Но мир, действительно, начал меняться. Правда, довольно странным образом. Теперь я везде видел совпадения. Часы почти всегда показывали одинаковое время: ну, там, одиннадцать одиннадцать, двенадцать двенадцать, тринадцать тринадцать.

САША. Короче, ты маленько того?

АЛИК. В какой-то момент я, и правда, так решил. Потому что у меня обострилась интуиция. Чувствительность. Перестала болеть голова. После того как мы сняли с нее гигантскую черную медузу.

САША. Гигантскую черную медузу?

АЛИК. Ну, или каракатицу. Не знаю. Намного круче стало слушать музыку. Но самое главное – это что у меня, кажется, пробудилось кундалини.

САША. Кунда...Что у тебя пробудилось?

АЛИК. Кундалини. Энергия, которая типа дремлет в основании позвоночника. Ну, если верить всяким мистикам.

САША. Это хорошо или плохо?

АЛИК. Стоило мне теперь расслабиться, прилечь там или развалиться в кресле, по телу разливалась приятная теплая волна, ощущалось легкое покалывание, в голове гудело. Короче, по телу бродила какая-то энергия. И если я хоть чуть-чуть давал ей разгуляться,

довольно быстро все переходило в сексуальное возбуждение. Сердце дико колотилось. Я думал, у меня сейчас лопнет голова. Сначала я испугался. А потом попытался расслабиться и стал просто получать кайф. Для этого даже не нужны были никакие образы, стимуляция. Нужно было просто лечь и расслабиться, и меня конкретно накрывало. Я думал, что такое невозможно, но теперь, чтобы достичь оргазма, мне даже не нужно было помогать себе руками.

САША. Да ладно?! Это как?

АЛИК. Ну, это, наверное, не столь важно. Главное, что я хочу сказать...

САША. Чувак, поверь, это самое важное. Рассказывай!

АЛИК. Да что рассказывать? Что-то такое произошло, что у меня, похоже, активизировалась свадхистана. Сексуальная чакра. Или наоборот заблокировалась. Короче, вся моя энергия теперь шла только туда.

САША. Она и раньше у тебя, похоже, оттуда не уходила.

АЛИК. Да. Но теперь она совсем как-то там сконцентрировалось. Я реально не мог ничего делать. Не важно, сидел ли я дома или ехал в метро. Или был на похоронах у дальней родственницы... вот это было, конечно, неловко. Все свободное время я только и делал, что впадал в такое полузабытье. Просто лежал по два, три, четыре, пять часов и ждал приближения оргазма.

САША. Прямо как многие женщины.

АЛИК. А еще... я не верил, что такое возможно, но теперь у меня были множественные оргазмы.

САША. Охренеть. Вот это сверхспособность.

АЛИК. Да уж.

САША. Капитан Оргазмо!

АЛИК. И все бы хорошо. Вот только эта сверхспособность сводила меня с ума. У меня реально начался запой. Мне все время хотелось новую дозу. И чем больше я старался насытиться, тем голоднее становился. Я стал смотреть такие вещи, которые раньше вызывали у меня только отвращение.

САША. Например?

АЛИК. Например, секс с карликами.

САША. Фу.

АЛИК. Трехчасовую подборку.

САША. Это ж где они взяли столько карликов?

АЛИК. Мои границы сексуальности стали конкретно размываться. И однажды я действительно перешел черту.

САША. И что же ты сделал? Расскажи.

АЛИК. Когда я сказал про карликов, ты сказала фу.

САША. Ну... потому что! Нет, правда, рассказывай.

АЛИК. Короче, в какой-то момент я решил попробовать с транссексуалкой. Ну, за деньги.

Саша с удивлением смотрит на Алика, ожидая продолжения истории.

САША. И что тут такого? Многие мужчины экспериментируют. Многим нравится.

АЛИК. Самое страшное даже не это. Мне было мало просто заняться с ней сексом, я хотел развести ее на бесплатный секс. И дело не в деньгах. Просто во мне что-то проснулось, какая-то нечеловеческая похоть. Алчность. Мне не просто хотелось чего-то новенького, не просто острых ощущений. Мне хотелось почувствовать свою силу. Хотя, конечно, никакая это была не сила. И, в общем, с тех пор я хотел разыскать ее и извиниться.

САША. Ну, это, конечно, красивый жест. Но ты же ее не заставлял! (Пауза.) Не заставлял же?

АЛИК. Да нет. Не заставлял.

САША. Тем более! Так что она знала, на что шла.

АЛИК. Возможно, но тем не менее. Я использовал ее. Отнесся к ней не как к человеку. А как к функции. Как к новой игрушке. А, наигравшись, тут же забыл про нее. И потому я хотел бы перед ней извиниться. Извиниться перед...тобой, Саша. Прости меня, пожалуйста. Я был неправ. То, как я поступил с тобой, это было...это было...

Саша смотрит на Алика. Кажется, без удивления. Молчит.

АЛИК. Ты ведь помнишь меня, да?

САША. Я разве похожа на склеротика?

АЛИК. И все это время...все это время тоже помнила?

Саша молчит.

АЛИК. Саш, скажи что-нибудь?

САША. Почему? Почему сейчас?

АЛИК. А это имеет какое-то значение?

У Саши звонит телефон. Саша смотрит на экран. Вздыхает. И сбрасывает звонок.

АЛИК. Время?

Саша кивает.

АЛИК. Может, останешься? Еще на час? Я заплачу. Просто поговорить. (Пауза.) Мне, правда, очень жаль, что я так поступил.

Саша молчит.

АЛИК. Саш?

САША. То есть ты пригласил меня сегодня, только чтобы...

АЛИК. Да!

САША. И все? Два или три года спустя? Нет, я, конечно, всякое повидала. Но это...

АЛИК. Что?

САША. Да ничего. Просто странно.

АЛИК. Более странно, чем чувак на роликах? (Пауза.) И тем не менее! Я просто хочу извиниться.

САША. И все? Просто извиниться?

АЛИК. Да! Просто извиниться!

САША. Так не бывает!

АЛИК. Как не бывает? Перед тобой что, никогда не извинялись?

САША. Все! Кажется, поняла. Да. Ну, конечно!

АЛИК. Что ты поняла?

САША. Все ясно!

АЛИК. Да что тебе ясно?

САША. У тебя рак, да?!

АЛИК. Рак? Ну, спасибо. То есть просто так, думаешь, человек извиниться не может?

САША. Поджелудочная?

АЛИК. Что? Поджелудочная? Почему поджелудочная?

САША. У отца похожий цвет лица был...перед смертью. Правда, он так и не извинился.

АЛИК. Господи! Да нет. Нет у меня никакого рака!

САША. Отец тоже долго это отрицал!

Алик тяжело вздыхает.

САША. Что, правда, нет? Тогда я совсем ничего не понимаю.

АЛИК. Так я же объяснил. Я действительно умирал...

САША. Так все-таки умирал?!

АЛИК. Ты дашь мне договорить? (Пауза.) Умирал! Но умирал духовно.

САША. Ну да, я помню, карлики и все такое. Капитан Оргазмо.

АЛИК. Мне было совсем не смешно. Серьезно! Я был в отчаянии. Этот голод...он изматывал, истощал меня. За месяц я похудел на три килограмма. И главное – я понятия не имел, что с этим делать. Остановиться я не мог, просто не мог физически. Я пытался. Напрягал силу воли. Но максимум держался месяц. На зубах. Это был ад. Я ходил к врачам. Рассказывал им про эту энергию, про гул в голове. Но они лишь разводили руками. Пичкали меня антидепрессантами и нейролептиками. От которых я становился овощем. Но гул и эта энергия никуда не девались. Я перечитал весь интернет. Пробовал все, что там советовали. Обнимался с деревьями. Заземлялся. Ходил на цигун. Медитировал. Даже пошел к шаману. Просил изгнать из меня злых духов, я был уверен, что это они. Шаман посмотрел на меня, поспрашивал про мою жизнь, а потом посоветовал просто завести постоянную женщину. И взял за это семь тысяч рублей.

САША. Что, даже не комлал?

АЛИК. Даже не комлал. (Усмехается.) Просто завести женщину! Женщина – это последнее, что мне было нужно. Я просто загубил бы еще одни отношения. Конечно, в этом не было, наверное, ничего такого. Все вокруг только этим и занимались. Но я так больше не хотел. Вместо этого я решил себе завести психолога. Я стал искать его...в соцсетях. Женщину, не старше тридцати пяти, привлекательную, не замужем. И нашел! Но, слава Богу, она выставила мне такую цену, что тут же перестала казаться привлекательной. Тогда я решил сменить тактику. И нашел психолога-мужчину. Я ходил к нему месяца два или три, мы все время что-то делали, раскладывали разные карты, выяснили, что мой архетип королева, а моя тень – ханжа, но...

У Саши вновь звонит телефон. Она сбрасывает вызов.

АЛИК. Но при этом одержимость никуда не девалась. Я делал все то же самое, что и до терапии. Только теперь еще мучился оттого, что трачу на нее деньги, а мне не помогает. Я уже собрался бросить это дело, даже подумывал о самоубийстве...когда вдруг на очередную нашу сессию он принес один тест. В нем было двадцать вопросов, которые...

САША. Что за тест?

Алик достает с полки белую брошюру. Разворачивает. Протягивает Саше.

САША (читает вслух). Прибегаю ли я к сексу, чтобы убежать от проблем или потому, что не могу справиться с реальностью? Становится ли мой поиск секса всё более неуправляемым? Перехожу ли я в поиске секса на более и более низменный уровень? Ну, это мы и так выяснили! Без всяких тестов!

АЛИК. Да. Все было довольно очевидно. Но здесь меня прямо ткнули носом...

САША. Так что это за тест? (Разглядывает брошюру.) Анонимные сексоголики. Брошюра новичку. Ты хочешь сказать, что ты...

АЛИК. Привет, меня зовут Алик. И я – сексоголик. Да!

САША. Да ладно? Что-то за последний час я этого не заметила. Или тебя уже вылечили?

АЛИК. К сожалению, это не лечится. Как и любая другая зависимость.

САША. погоди! Ну вот, например, алкоголики.

АЛИК. Так.

САША. Многие же завязывают, бросают пить.

АЛИК. Завязывают. Бывает, не пьют годами. Десятилетиями. Но стоит хоть чуть-чуть расслабиться, выпить первую рюмку и...все может закончиться очень плохо. Вплоть до самоубийства.

Алик тяжело вздыхает.

САША. Не понимаю!

АЛИК. Чего ты не понимаешь?

САША. Ну хорошо. Алкоголь или, там, наркотики, с ними все более-менее понятно. Они разрушают твоё здоровье, психику, и все такое, а секс – это же естественный инстинкт?!

АЛИК. В той же мере, в какой естественный инстинкт – еда. Но если ты не можешь остановиться, если только плотно поев, ты хочешь снова. Если тебя уже тошнит, ты блюешь и снова ешь. Если ты отмораживаешь себе руки, только потому что не можешь дождаться, пока блюдо разморозится. Или, наоборот, обжигаясь, потому что не можешь дождаться, пока блюдо остынет. То это уже не естественный инстинкт. Это уже болезнь. Когда сексом ты стараешься утолить эмоциональный голод, когда в каждом акте ты пытаешься раствориться, потерять себя в каждой дозе, когда от человека тебе нужен не только секс, физический акт, но когда ты хочешь заполучить его целиком, его личность, вобрать ее в себя, обладать ей. Когда ты не просто смотришь на человека, ты глядишь как бы исподтишка. Как будто подглядываешь в замочную скважину. Когда в долю секунды ты становишься кем-то другим, открываешь окно своей внутренней тьме, позволяешь этой твари, что живет у тебя внутри, ожить, выпрыгнуть наружу, схватить добычу и вновь затаиться. И что самое страшное – эта тварь, это ты сам! Твое больное существо. Твое дефективное Я. Зачем я это делаю? Зачем ищу взглядом других? Зачем хочу этих других? Возможно, чтобы не видеть себя. И это уже не естественный инстинкт. Это что-то другое. Что-то очень темное!

Алик смотрит на Сашу, ожидая каких-то слов. Но она молчит. Закуривает. -

АЛИК. Но иначе, наверное, и быть не могло. Ведь я программировал себя на это с самого детства. Картинка за картинкой, фильм за фильмом, эти образы впечатывались в мою память, в мои нейронные связи. И всю последующую жизнь секс, самое мощное, самое всепоглощающее физическое, эмоциональное, духовное переживание, по сути, сначала подпитывался образами тех женщин, что я видел на фото и видео. А потом уже я сознательно пытался из тех женщин, что встречал на своем пути, вылепить наиболее знакомые мне образы. Трагедия в том, что ни картинка, ни живой человек, которого я искал под стать картинке, не были реальными. Этот вирус извращал и то, и другое, подстраивая все под свои больные потребности. По сути, каждый раз влюбляясь, я исключал из своей жизни настоящую любовь.

Саша прикрывает глаза рукой.

АЛИК. Ведь что такое настоящая любовь? Это скорее выбор, а не чувство. Самоотдача. Когда ты готовишь ей яичницу не потому что любишь, а любишь потому что готовишь ей яичницу. Мои же отношения были чаще всего основаны либо на похоти, либо на созависимости. Либо на том и другом одновременно. Они были без обязательств. Ведь мне так важна была свобода. Мне так было важно, чтоб я всегда мог сбежать. И я бежал, бежал, бежал. И несмотря на довольно продолжительный марафон, так никуда и не прибежал. Я просто выдохся. И больше бежать я не хочу. Я больше не хочу быть инвалидом любви. Я хочу любить.

Саша отворачивается от Алика.

АЛИК. Саш, ты чего? Ты плачешь?

САША. Нет, просто дым в глаза.

У Саши опять звонит телефон. Она смотрит на экран и вновь закрывает лицо рукой.

АЛИК. Саш! (Пауза.) Саш, ну ты чего, правда?

САША. Ничего! Все хорошо!

АЛИК. Ну что случилось?

Саша пытается успокоиться, улыбнуться, но вновь срывается на плач.

АЛИК. Ничего! Поплачь, если хочешь. Я тебя понимаю.

Саша бросает на Алика раздраженный взгляд.

АЛИК. Все будет хорошо.

Алик не знает, что еще сказать. Смотрит на Сашу. Смотрит по сторонам. Берет брошюру анонимных сексоголиков.

АЛИК. Скажи, а ты никогда не думала завязать?

Саша вытирает слезы и пронзительно смотрит на Алика.

АЛИК. Я тебе оставлю брошюру. Позвони, если хочешь. Это, правда, помогает. При этом даже не обязательно быть зависимым. Главное – просто хотеть измениться. Изменить свою жизнь.

Снова звонит Сашин телефон.

АЛИК. Признать свое бессилие перед проблемой. Признать, что жизнь стала неуправляемой. Оценить ее с нравственной точки зрения, определить свои дефекты, ошибки, заблуждения. Попытаться их исправить. Возместить тот ущерб, что в течение жизни нанес другим. Попросить прощения.

САША. Как ты у меня сегодня?

Саша отвечает на звонок.

САША. Да, Толь!

АЛИК. В этом, если вкратце, и есть суть программы...

Бросив на Алика холодный взгляд, Саша выходит из комнаты.

Алик смотрит ей вслед и садится на ее место. Смотрит на ее сигарету – та дымится в пепельнице. Обводит взглядом комнату. И вдруг, глядя на стоящий в шкафу виски, замирает. Встает, подходит к шкафу, вынимает коробку. Вытаскивает из нее бутылку и видит, что она открыта. В этот момент Саша возвращается в комнату.

САША. А говорил, нету!

АЛИК. Это подарок! Отчиму на день рождения!

САША. Ммм. Ну тогда извини!

Алик растерянно разглядывает полупустую бутылку.
Саша с лукавой улыбкой подходит к нему.

САША. Постараюсь загладить свою вину. Или, как там у вас это называется? Возместить ущерб?

АЛИК. Ты это о чем?

САША. О том самом!

На этих словах Саша садится перед Аликом на колени, расстегивает ремень и снимает с него джинсы.

АЛИК. Саш, ты чего?

Алик, опешив, так и стоит с бутылкой в руке.

АЛИК. Саш, не надо. Пожалуйста. У меня лишь недавно был год трезвости. Если я сорвусь, то...то не знаю, что будет дальше.

Но Саша не слушает его и делает ему минет.

АЛИК. Я прошу тебя, прекрати. Я...я не хочу.

САША. Это ты ему расскажи!

АЛИК. Саш!

САША. Не надо себя обманывать.

АЛИК. Не хочу. Пожалуйста.

САША. Так что же ты сам не прекратишь? Я ж тебя не заставляю?

АЛИК. Я же говорил. Я бессилён. Все, что я тебе сегодня...ааа...

Что же ты делаешь? Господи...Господи! Нет! Нет! Нет!

Выражение ужаса на лице Алика постепенно сменяется гримасой блаженства.

САША. Да! Ну давай. Ты же хочешь этого. Трахни меня. Смелее. Не стесняйся. Выеби меня. Выеби меня хорошенько. Тебе ведь нравится, а? Вижу, что нравится. Еще. Еще.

Алик перестает себя сдерживать.

САША. Вот так. Вот так. Хороший мальчик.

Движения Алика становятся все более жесткими.

САША. Если хочешь, можешь кончить мне в ротик.

АЛИК. Да.

САША. Очень-очень хочешь?

АЛИК. Да, пожалуйста. Пожалуйста. Я прошу тебя. Умоляю.

САША. Умоляешь?

АЛИК. Умоляю.

САША. На что ты готов ради этого?

АЛИК. На все. На все, что угодно.

САША. И даже готов пожертвовать годом трезвости?

АЛИК. Да, готов.

САША. И даже любовью?

АЛИК. И даже любовью.

САША. И даже Господом?

АЛИК. И даже Господом!

Алика трясет. Он тяжело дышит. Хрипит. А затем кончает – в этот же момент на улице громко сигналит автомобиль. Кончив, Алик опускается на пол. Ставит бутылку и закрывает лицо руками. Саша, не глядя на него, встает и уходит в ванную. Слышно, как там льется вода. Когда минуту спустя она возвращается, Алик сидит на полу все в той же позе.

АЛИК (не глядя на нее). Зачем?

Снова сигналит автомобиль. Саша, ничего не ответив, берет свою сумку и выходит в коридор. Быстро одевается и, захлопнув за собой дверь, уходит.

Алик сидит на полу, словно восковая фигура, не в силах пошевелиться. Наконец, его рука медленно тянется к бутылке виски. Он открывает ее. Делает несколько больших глотков. С непривычки сильно кашляет. Отставив бутылку в сторону, Алик встает и пытается застегнуть ремень на джинсах, глядя на свое отражение в зеркальной дверце шкафа. Увидев свое лицо, он замирает. А затем, выдернув ремень из джинсов, разбивает массивной пряжкой зеркальную дверцу. Зеркало покрывается трещинами, и в этом искаженном отражении Алика уже не узнать. Посмотрев на себя в зеркало, Алик вновь садится на пол. Вертит в руках ремень. Вяло осматривает комнату. Его взгляд задерживается на стуле, стоящем у рабочего стола. Алик встает, подходит к нему, несколько раз проводит пальцем по кожаной спинке, словно пытаясь оттянуть какое-то решение. Затем берет стул и переносит его в центр комнаты. Ставит его под люстру. Берет с пола ремень. Встает на стул, завязывает ремень узлом, цепляет один его конец к крюку люстры и надевает петлю себе на шею. Какое-то время смотрит в окно. А затем без суеты, уставшим движением, отталкивает стул ногой и повисает в петле, хрипя и содрогаясь всем телом. По иронии судьбы эта предсмертная агония чем-то напоминает тот оргазм, который был у него чуть ранее. Алик отчаянно хватается за петлю на шее, словно он передумал и хочет ее развязать, но ничего не выходит. Его борьба постепенно затихает. В комнате воцаряется мертвая тишина, которую неожиданно нарушает звонок в дверь. Мгновение спустя в квартиру заходит Саша.

САША. Я подумала, что надо отдать тебе твои деньги. Слышишь?

Не дождавшись ответа, Саша кладет деньги на стул в коридоре и уже собирается уходить, когда вдруг слышит очередной хрип Алика. Саша заглядывает в комнату и от ужаса издает истошный вопль. Несколько секунд она стоит как вкопанная, но затем берет себя в руки, бросается к нему и, поставив стул, помогает ему вылезти из петли. Слезая со стула, Алик оступается и вместе с Сашей падает на пол.

Алик тяжело дышит, хрипит, его бьет дрожь, у него текут слезы. Саша сгребает его в охапку и пытается успокоить.

САША. Ну все, все!

Саша гладит Алика по голове.

САША. Все хорошо. Все будет хорошо. Главное – дыши!

Алик потихоньку успокаивается.

САША. Вот так. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Саша тянет руку к бутылке, которая по-прежнему стоит на полу. Делает несколько глотков. Смотрит на Алика, который лежит у нее на коленях.

САША. Мудак! Какой же ты все-таки мудак!

АЛИК (едва слышно). Прости!

САША. Молчи!

АЛИК. Саш, я...

САША. Помолчи! Сейчас вот просто помолчи! (Качая головой.) Инвалид, блядь, любви!

Алик хочет что-то возразить, но Саша прикладывает к его губам палец.

САША. Все! Вдох, выдох. Вдох, выдох. Вдох, выдох!

Алик грустно улыбается и кивает.

Саша продолжает гладить его по голове.

На улице снова сигналист Толик.

Конец

Апрель 2019 года.

Москва.